

ЮЖНАЯ РОССИЯ М. И. РОСТОВЦЕВА: МЕЖДУ ЛЕНИНГРАДОМ И НЬЮ-ХЕЙВЕНОМ

Решение «Вестника древней истории»¹ опубликовать важнейшие главы из материала, который Михаил Иванович Ростовцев оставил в Петрограде в 1918 г., — не только экстраординарная дань уважения замечательному ученому. Оно дает в распоряжение исследователей исключительно важный материал об интеллектуальном развитии Ростовцева в период, когда он покинул родину, на время остановился в Англии и в штате Висконсин и, наконец, получил профессорскую должность в Йельском университете в Нью-Хейвене, штат Коннектикут. Этот материал посвящен древней истории Юга России, в частности, скифам, сарматам и, кроме того, Боспорскому царству.

Возможно, благодаря дружеским отношениям с Б. В. Фармаковским, организатором раскопок в Ольвии, Ростовцев написал целый ряд специальных трудов по истории Юга России в годы, предшествовавшие русской революции 1917 г. Начиная с 1911 г. и вплоть до 1918 г. он ежегодно публиковал статьи по этому предмету, и именно в 1918 г. появляется книга, суммировавшая его мысли и наблюдения¹. Но, как мы увидим дальше, ко времени своего отъезда из России он завершил работу над первым томом предполагавшегося двухтомника о Скифии и Боспоре. Первый том планировался как обзор письменных и археологических источников по этому региону, а второй, над которым он начал работать, — как синтез и исторический анализ этих свидетельств. Совершенно очевидно, что когда Ростовцев покинул Петроград в 1918 г., он оставил всякую надежду увидеть эти материалы вновь.

Ростовцев, однако, не потерял интереса к истории Юга России, хотя невозможность контактов с учеными, работавшими в этой области, все более затрудняла ему получение хорошей информации. Тем не менее ему удалось большей частью по памяти, написать в 1922 г. свою книгу «Иранцы и греки на Юге России» (*Iranians and Greeks in South Russia*), которая была попыткой реконструкции труда, написанного в 1918 г. по-русски и посвященного той же теме. Ростовцев также согласился дополнить главы «Кембриджской древней истории» материалами по истории Юга России. В своей статье в сборнике памяти Кондакова он вновь возвращается к этой теме (статья перекликается с более поздней работой о конном боге на Юге России в первом выпуске «*Seminarium Kondakovianum*»²). Но, несомненно, самое значительное и удивительное событие в истории ростовцевских штудий Юга России — это совершенно неожиданная публикация первого тома его труда о Скифии и Боспоре, который остался (как и издатель) в Петрограде. В 1925 г. русский текст первого тома «Скифии и Боспора» вышел в свет в городе, который к тому времени уже назывался Ленинградом³. Сам Ростовцев сначала ничего не знал об этом. Он сам оставил подробный рас-

¹ Библиографию работ Ростовцева дает Ж. Андро в публикации французского перевода: *Social and Economic History of the Roman Empire*. P., 1988. P. 648—675. См. также *Gilliam J. F. Addenda to the Bibliography of M. I. Rostovtzeff // Historia*. 1987. 36. P. 1—8.

² Сборник памяти Кондакова был опубликован в Праге в 1926 г. (со статьей Ростовцева о сарматских древностях и индоскифах). Его статья о конном боге появилась в *Seminarium Kondakovianum*. 1927. I. С. 141—146.

³ *Ростовцев М. И. Скифия и Боспор / Под ред. С. А. Жебелева. Л., 1925.*

сказ о том, что произошло, когда эта публикация впервые привлекла его внимание. Его предисловие к немецкому переводу этого тома (*Skythien und Der Bosporus*), опубликованному в 1931 г., — превосходный источник для понимания предыстории глав, недавно опубликованных в «Вестнике древней истории»⁴. Оно также существенно важно для того, чтобы найти место ростовцевскому труду о Юге России в более широком контексте его вклада в историографию древности вообще.

Мы не должны забывать, что «*Skythien und Der Bosporus*» был не просто переводом труда, написанного в 1918 г. и изданного по-русски в 1925 г., но скорее его существенной переработкой и модернизацией. Черты немецкого перевода больше характеризуют Ростовцева ньюхейвенского периода, нежели Ростовцева в период его жизни в Петрограде.

Сам Ростовцев писал об этом так: «Когда я покидал Россию в 1918 г., я оставил у моего издателя — Императорской археологической комиссии — первую часть моей книги, подготовленную к публикации. Некоторые гранки моей рукописи были уже в печати. Но с того времени и до 1925 г. у меня не было никаких известий о дальнейшей судьбе моей книги. Тем большим было мое изумление, когда в 1925 г. проф. Миния (Нембридж, Англия) прислал мне опубликованный экземпляр моей книги (единственный, который я видел), датированный 1925 г. Вскоре после этого Г. Шутц написал мне, что у него есть рукопись немецкого перевода моей книги, и просил дать разрешение на его публикацию».

Ростовцев писал, что он в конце концов разрешил публикацию немецкого перевода, хотя и с тяжелым сердцем. Он считал эту работу серьезно устаревшей, и с высоты своей профессорской кафедры в Нью Хейвене он мог сказать, что действительно писал этот труд в максимально неблагоприятных условиях, которые только можно представить. Он явно чувствовал себя уже в удалении от мира, в котором он писал «Скифию и Боспор». С целью сделать издание более полезным для ученых Ростовцев настаивал, чтобы немецкий перевод был как можно более осовременен. Но осуществить это было очень трудно ввиду отсутствия русских книг в американских библиотеках и трудностей в прямых контактах с коллегами в России. В результате Ростовцев не смог выполнить эту задачу так, как он этого хотел. Тем не менее, поскольку ничего подобного на Западе не выходило, он решил работать над немецким изданием. Судя по высказанным им в книге благодарностям, ему в этом содействовали многие ученые как из стран Западной Европы, так и из Венгрии, Болгарии и Румынии. Ростовцев выразил утешительное мнение, что по крайней мере в этих странах в 1918—1930 гг. изучался южнорусский археологический материал. Переработанное Ростовцевым немецкое издание 1931 г. является для нас исключительно важным собранием литературных и археологических источников по всему скифскому региону и, кроме того, по Боспорскому царству. В предисловии к немецкому переводу Ростовцев ясно указал: «Второй том предлагаемой работы должен будет совместить в себе исчерпывающее описание истории Южной России в классический период с необходимой документацией. В свое время (т. е. во время пребывания в Петрограде) я написал кое-что из этого второго тома. Часть рукописи осталась в России».

Сейчас совершенно ясно, что главы, которые были опубликованы в «Вестнике древней истории», — не что иное, как часть ростовцевской рукописи второго тома, которую он оставил, когда покидал родину. Как показывают новые материалы, полное название второго тома должно

⁴ *Skythien und der Bosporus*. 1931.

было быть следующим: «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства». Эти новые главы, несмотря на неблагоприятные условия их написания, дают замечательное представление о мировоззрении Ростовцева до начала его деятельности на Западе. Поскольку они имеют характер обобщения и интерпретации, они, естественно, и более показательны, чем первый том, в основном представляющий собой собрание литературных и археологических источников. К 1931 г., когда, наконец, появилась немецкая версия первого тома, уже была опубликована крупнейшая работа Ростовцева, посвященная социальной и экономической истории Римской империи, и уже утвердились его известные интерпретации древней истории, на которые столь сильно повлияли впечатления от русской революции. Ростовцев никогда не считал себя свободным от тенденции, свойственной русской историографии того периода, — модернизации древней истории⁵. И несмотря на модернизацию, темы труда Ростовцева, которые возникли уже на Западе, были на самом деле темами, выдвинутыми марксистским руководством России, которое он отвергал. Эти темы касались детерминированных признаков исторического развития общества и экономики. Как недавно отметил Хайнц Хайнен в комментарии к статье Вернадского о Ростовцеве в честь его 60-летия, для двух главных трудов Ростовцева — социально-экономических историй эллинизма и Римской империи — характерна марксистская терминология, даже если результаты исследований Ростовцева абсолютно противоречат марксистской точке зрения⁶.

Между 1925 г., когда проф. Миннз впервые привлек внимание Ростовцева к выходу в свет русского издания его труда о Скифии и Боспоре, и 1931 г., когда появилось немецкое издание, Ростовцев сделал по меньшей мере одно публичное заявление о приближающейся публикации немецкого издания. В статье 1928 г. он делает следующее, приводящее в замешательство замечание: «Я коснулся истории Боспора в книге, написанной по-немецки перед войной и никогда не публиковавшейся. Я надеюсь вставить ее во второй том моего труда *Skythien und der Bosphorus* (немецкий перевод русской книги того же названия, изданной в 1927 г.)»⁷. То, что совершенно ясно в данном замечании, — это определено неверная ссылка на русское издание, опубликованное в действительности в 1925 г. Замечание о том, что он касался истории Боспора в работе, написанной по-немецки перед войной, — также очевидная небрежность. Совершенно ясно как из опубликованных в «Вестнике древней истории» глав, так и из предисловия к немецкому переводу, что рукопись второго тома ростовцевского труда о Юге России была написана по-русски, а не по-немецки. Андро, чей вклад в изучение жизни и деятельности Ростовцева общепризнан, также был озадачен этим замечанием и отметил, что указанный в нем труд, написанный на немецком, не может совпадать с книгой, изданной в 1925 г.⁸ Возможно, Ростовцев имел в виду то, что он рассчитывал вставить материал из второго тома в немецкое издание, которое могло бы дополнить немецкий перевод первого тома. Другими словами, его замечание может иметь смысл, если интерпретировать его таким образом: «Я коснулся истории Боспора в книге, написанной перед войной, но неопубликованной. Я надеюсь, вставить ее немецкую версию во второй том „*Skythien und der Bosphorus*“».

⁵ См., например: Кузищин В. И. // ВДИ. 1989. № 1. С. 207; Зуев В. // ВДИ. 1989. № 1. С. 193.

⁶ Heinen H. Vernadskys Notiz // Festschrift S. Lauffer. V. II. Rome, 1986. P. 381—395 (особ. 395).

⁷ Greek Sightseers in Egypt // JEA. 1928. 14. P. 13. Note 2.

⁸ Andreau. Op. cit. P. 663.

Публикация в «Вестнике древней истории» сделала невозможным любое предположение о существовании немецкой предвоенной рукописи о Боспоре.

М. И. Ростовцев приехал в Соединенные Штаты в 1920 г. после двух неудачных для него лет, проведенных в Англии. Первое десятилетие его жизни в Америке стало временем активной деятельности и периодом восстановления научного авторитета после неизбежного бездействия в научной сфере, вызванного как самим фактом эмиграции, так и бурной политической деятельностью Ростовцева в русских эмигрантских кругах в Европе. Чтобы оценить поворот, произошедший во взглядах Ростовцева в период между революцией и его работой в Йельском университете, мы должны вспомнить главные работы, на которых основывался научный авторитет Ростовцева до революции. Они были перечислены в служебной записке, составленной Уильямом Уэстерманном в декабре 1920 г. в связи с прибытием Ростовцева в Висконсинский университет в Мэдисоне. Хотя ученые-византилисты того времени регулярно читали русскую научную литературу, ученые-антиковеды, как правило, не знали русского языка. Поэтому репутация Ростовцева в большей степени основывалась на работах, опубликованных на немецком языке, который до периода эмиграции был главным из западных языков для Ростовцева⁹.

Для Уэстерманна и его коллег было ясно, что Ростовцев — специалист высокого класса в области социальной и экономической истории. Он был хорошо известен главным образом благодаря своей книге о системе откупа налогов в императорском Риме (*Die Geschichte der Staatspacht in der römischen Kaiserzeit*), его каталогу римских свинцовых тессер (*Römische Bleitesserae*) и исследованиям по истории римского колоната (*Studien zur Geschichte des römischen Kolonats*). Статья о пребывании Августа в Афинах, опубликованная в юбилейном сборнике в честь Отто Хиршфельда в 1903 г., равно как и участие Ростовцева в Международном конгрессе историков в Берлине в 1908 г., также привлекли большое внимание. Впечатление от участия Ростовцева в Берлинском конгрессе было резюмировано Хаскинсом в «*American Historical Review*» за октябрь 1908 г.: «Превосходным примером комплексного использования новых сведений из эпиграфических и папирологических источников было выступление проф. Ростовцева из Санкт-Петербурга, который исследовал истоки римского колоната — института, имевшего громадное значение и до недавних пор совершенно неисследованного, и показал его зависимость от социальных и аграрных условий в Египте и Сирии эллинистического и даже более ранних периодов»¹⁰.

Совершенно ясно, что к 1920 г. Ростовцев был известен на Западе своими научными трудами, написанными до того времени, когда он за несколько лет до революции обратился к изучению истории Южной России. Только после публикации в 1922 г. на английском языке книги о греках и иранцах это направление научной деятельности Ростовцева стало широко известным на Западе. «Иранцы и греки на юге России», так же как и главы, опубликованные в ВДИ, по существу — работы предреволюционного периода. Эта книга содержит огромный, тщательно проработанный материал и вместе с тем прямо признает существование

⁹ О приспособлении Ростовцева к жизни в США см.: *Bowersock G. W. Rostovtzeff in Madison // The American Scholar. 1986. 55. P. 391—500.* Записка Уэстерманна была любезно предоставлена мне, вместе с другими документами, Висконсинским университетом.

¹⁰ *Haskins C. H. // American Historical Review. 1908. 14. P. 4.* Об оценке Берлинского конгресса самим Ростовцевым см. его статью в ЖМНП. 1908. Октябрь. С. 25—36.

огромных пробелов в наших знаниях об истории этого региона. В ней нет пространственного теоретизирования и догматических заключений, которые в какой-то мере стали преобладать в работах Ростовцева 20-х и 30-х годов. Его опыт эмиграции, так же как и его обширная антибольшевистская публицистическая деятельность, должны были неизбежно повлиять на подход Ростовцева к проблемам древней истории. Но это влияние незаметно в «Иранцах и греках на юге России», несмотря на формальную дату ее написания, потому что как сама работа, так и способ мышления, на котором она основывалась, предшествовали революции. Но предисловие к английскому изданию открывается несколько необычными и претенциозными заявлениями: «В моем кратком очерке я попытался представить историю южнорусских земель в доисторический, протосторический и классический периоды вплоть до великого переселения народов. Под историей я понимаю не просто пересказ скудных свидетельств классических авторов, иллюстрированный археологическим материалом, но попытку определить ту роль, которую играла Южная Россия во всемирной истории, и подчеркнуть ее вклад в развитие человеческой цивилизации»¹¹.

Но гораздо больше проясняет для нас взгляды и настроения Ростовцева ряд лекций, прочитанных им в Мичиганском университете для Института по изучению земельных отношений. Эти лекции, изданные дешевым ротапринтным изданием института в тот же год, фактически представляют собой стенограмму выступлений Ростовцева¹². Они являются ценным документом, отражающим как устный стиль выступлений Ростовцева перед американской аудиторией, так и занимавшие его в то время проблемы. Тон его выступлений гораздо более эмоционален и раскован, чем в написанных работах, однако категоричность и догматизм взглядов, в полной мере проявившиеся в двух трудах по социальной и экономической истории, уже дают о себе знать. Первая лекция начинается со взволнованного утверждения о тесной связи между современными событиями и изучением древней истории. Как уже давно признано, именно этой идее суждено было занять преобладающее место в поздних работах Ростовцева и, к несчастью, сделаться тем пунктом, в котором последующие историки наиболее часто и решительно отмежевывались от него.

Сейчас, когда мы можем сравнить трезвые и взвешенные черновые наброски глав 1918 г., опубликованные в ВДИ, легче понять гораздо менее взвешенные и менее самоконтролируемые выступления Ростовцева в США перед его слушателями в Энн Арбор, в Мичигане, четырьмя годами позже. Ростовцев говорил тогда: «Итак, в чем заключается моя задача в этом коротком введении в вашу работу. Моя задача — интерпретировать одну из важнейших проблем современной экономической и социальной жизни. Я не знаю, действительно ли вы, будучи американцами, полностью осознали значение этой проблемы, но я, русский, осознал его в полной мере. Вы спросите: „Почему?“ — я отвечу: „Проблема, которую я имею в виду, порождена существованием в нашей общественной жизни двух типов людей: горожан и жителей деревни“. Конечно, два этих типа есть также и в вашей стране, но, насколько мне известно, между ними не существует столь ярких различий и столь острого антагонизма, как в России или, чуть в меньшей степени, в Западной Европе».

¹¹ *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxf., 1922. P. VII.

¹² *Urban Land Economics*, lectures by M. Rostovtzeff, и еще три лекции с предисловием Р. Т. Элай, опубликованные в издательстве Института по изучению земельных отношений (Энн Арбор, Мичиган).

Если вы задумаетесь над тем, что происходит сейчас в России, вы поймете, что именно противоречие между жителями деревни — крестьянами — и горожанами и привело к возникновению острого кризиса в русской жизни. Дело в том, что сельскому населению России — крестьянам — свойственно своеобразное чувство подозрительности и ненависти по отношению к горожанам. Жители деревни рассматривают городское население как паразитов, живущих за их счет; и существуя благодаря труду крестьян, они, в то же время, являются их господами и повелителями и осуществляют управление политической и общественной жизнью».

В начале второй лекции Ростовцев снова проводит параллели с Россией: «Позвольте мне вначале, прежде чем перейти к описанию положения в греческом мире, обобщить при помощи современных параллелей свои соображения о развитии городов на Востоке. Существует только одна параллель, которую я знаю, — это Россия. Только в России существовали подобные отношения между огромным государством, населенным по преимуществу крестьянами, и городами: столицей, которая была резиденцией царя и Бога и, если таковые оказывались, другими городами, зависимыми от главного — административного центра. Естественно, я не имею в виду современную, послепетровскую Россию. Также я не имею в виду ни Древнюю Русь, ни первые русские города Приднепровья. Это были торговые города, не имеющие ничего общего с позднейшим развитием России. Я имею в виду московскую Русь: государство, существовавшее с XIII по начало XVIII столетия. Ему были свойственны те же черты, что и древним государствам, — огромные земельные пространства, объединенные одной династией, которая правила одним народом. То же самое было в Вавилонском, Египетском, Ассирийском, Персидском царствах. Население живет в деревнях, рассеянных по всей стране, над которыми возвышается только один город — Москва, главный город, местопребывание церкви и царя. Положение Москвы поразительно напоминает положение Вавилона или Фив. Существует Кремль, т. е. храм верховного божества и дворец царя. И это все. Других зданий в Кремле нет, а вокруг него раскинулись огромные московские слободы XV, XVI и XVII веков. Город был центром политической жизни, административным и военным ядром, и это было главным. Если в нем и существовала какая-то промышленная сфера, она была вторичной. Не поймите меня неправильно. Такова была ситуация только во второй половине XVII в. После этого Россия стала развиваться в том же направлении, что и остальные европейские страны».

Конечно, параллели с современностью обычно присутствовали и в печатных работах Ростовцева, но эти лекции 1922 г., где его взгляды выражены с такой обезоруживающей открытостью, чрезвычайно важны для оценки мировоззрения Ростовцева после его эмиграции из России. Он гордился своим знанием русской культуры и истории и чувствовал свое высокое предназначение в том, чтобы донести свои взгляды до американской аудитории. В Висконсинском университете в Мэдисоне он даже предлагал прочесть курс лекций по русской архитектуре XI—XVII вв. Но он сознавал, и часто подчеркивал это, что у него нет надежды когда-нибудь еще увидеть Россию.

Однако чем дольше Ростовцев оставался в Соединенных Штатах, тем сильнее становилось его желание вернуться хотя бы в Европу и снова оказаться рядом со Средиземноморьем, сохранившим материальные остатки античности. Также возрастала и его уверенность в том, что главным в его жизни была скорее исследовательская деятельность, нежели препода-

давание. Это был уже прежний, дореволюционный Ростовцев, стремящийся вперед после стольких лет неудач. Ведь уже в 1904 г. в некрологе на смерть Теодора Моммзена в журнале «Мир Божий» он подчеркивал, что несмотря на педагогический, организаторский и политический талант Моммзена, его главным призванием были научные исследования, требующие уединенного труда в кабинетной тиши¹³. Ростовцев верил, справедливо либо несправедливо, что Академия была для Моммзена ближе, чем университет, что он больше чувствовал себя на месте за письменным столом или среди камней и монет в музее, чем на университетской кафедре. Мне представляется очевидным, что это отражает настроения самого Ростовцева в 1904 г. Неудивительно, что они вновь проявились в Америке, как только уладились его личные проблемы.

В мае 1923 г. Ростовцев написал необычное письмо декану исторического факультета Висконсинского университета, в котором он уведомил, что предпринял переговоры с Корнельским университетом штата Нью-Йорк о своем переходе в этот университет в качестве преемника Уэстермана¹⁴. Свидетельство Ростовцева о причинах, по которым он покинул Висконсинский университет, — другой важный документ, характеризующий его мысли и чувства в этот период. Хотя в конце концов он и не принял приглашения Корнельского университета, уже двумя годами позже он принимает заманчивое предложение из Йельского университета, предоставляющее ему все те возможности, к которым он стремился. Настало время огласить этот частный документ как еще одно свидетельство духовной и интеллектуальной эволюции Ростовцева в Новом Свете:

«Возможно, от Карла¹⁵ вы знаете о моих переговорах с Корнельским университетом. Я не писал вам об этом, так как все было очень неясно, и, как мне казалось, не совсем серьезно. Судите сами. В Англии я встретил Ноутстейна¹⁶. Он сказал, что если Уэстерманн уйдет, они были бы рады видеть меня в качестве его преемника. Позже Пол¹⁷ сказал мне, что Уэстерманн принял приглашение от Колумбийского университета. В Брюсселе я дважды разговаривал с Ноутстейном. Прежде всего я сказал ему, что я не могу планировать никаких изменений до конца второго семестра этого учебного года и даже до конца года. Во-вторых, я сказал ему, что я абсолютно доволен Висконсином, и если и веду переговоры с Корнельским университетом, то исключительно из-за одного жизненно важного для меня момента: вопроса о летних экзаменах и отпусках. Ты знаешь, Фред¹⁸, как я люблю наш университет и наш факультет. Для меня было бы большой потерей расстаться с университетом и со всеми вами. Но ты знаешь также, как важно для меня иметь свободное время

¹³ Мир Божий. 1904. Февраль. С. 1—12.

¹⁴ У. Уэстерманн, ранее профессор Висконсинского университета в Мэдисоне, стал заведовать кафедрой в Корнельском университете. Затем через несколько лет он принял приглашение Колумбийского университета, где он преподавал целому ряду известных американских исследователей античности, включая М. Финли и М. Райнхольда. Он написал по рекомендации Ростовцева статью о рабстве для энциклопедии Паули — Виссова.

¹⁵ Карл Рассел Фиш преподавал на историческом факультете Висконсинского университета. Сферой его научной деятельности была американская история.

¹⁶ Уоллес Ноутстейн — известный историк Англии, преподававший в Корнельском университете в 1920—1928 гг. Впоследствии он вновь работал вместе с Ростовцевым в Йельском университете.

¹⁷ Другим преподавателем истории в Висконсине был Пол Кнаплунд. Он специализировался на истории Британской империи.

¹⁸ Фредерик Л. Паксон, адресат этого письма Ростовцева, возглавлял кафедру истории в Висконсинском университете.

для работы на себя и чтобы собирать материалы для этой работы в Европе. После событий в России в этом заключается главный смысл моей жизни. Я взялся преподавать первокурсникам, я привык к этому. Я получаю большую зарплату. Но мне тяжело вот уже второй год оставаться без отпуска. Материал, собранный в Европе, требует обработки, но у меня нет времени для этого. В этом причина того, что я затеял переговоры с Корнельским университетом, надеясь, что вы сделаете что-нибудь, чтобы заставить меня остаться в Висконсине. Я сообщил об этом Карлу, а он, возможно, вам. Условия, которые я поставил Ноутстайну или, вернее, которые он мне предложил, следующие: 1) полная свобода организовать работу по своему усмотрению, включая вопрос о первокурсниках; 2) небольшая прибавка к жалованию (около 500—600 долларов); 3) членство одновременно на двух кафедрах — истории и классической филологии. Этого было для меня недостаточно, и я поставил еще одно условие: полугодовой отпуск, то есть один свободный семестр (с сохранением жалования) раз в три года без преподавательской нагрузки летом. Несколько дней назад я получил письмо от президента Фарранда с просьбой заехать к нему в Корнельский университет по пути домой и обсудить создавшееся положение. Я могу предположить, что в принципе они согласны на любые условия, иначе излишне было бы приглашать меня лично.

Теперь, как ты думаешь, возможно ли организовать такие же условия для меня в Висконсине? Я считаю так: я соглашаюсь вести первокурсников и могу отложить вопрос о членстве на двух кафедрах одновременно. Но, как я уже говорил, главная проблема в летних занятиях и в отпусках. Считаешь ли ты возможным одно из двух: 1) либо я должен иметь отпуск с сохранением содержания каждый третий год (каждый шестой семестр) без обязательства вести преподавательскую нагрузку летом; 2) либо соответствующее увеличение моей заработной платы, т. е. на 1200 долларов в год (за 5 семестров — шестой свободный — 3000 долларов). Я ничего не имею против того, чтобы иметь половинную нагрузку летом, когда я остаюсь в Висконсине, т. е. вести семинар для специализирующихся студентов. Карл сказал мне, что он не считает подобный вариант невозможным.

Пойми меня правильно. Ты можешь быть уверен, что я глубоко благодарен университету за все, что он для меня сделал. Я бы никогда не поднял этот вопрос, если бы не получил приглашение из Корнельского университета, которое я не имею право отвергнуть без обсуждения, имея в виду прежде всего мои научные интересы, — т. е. устроить свои дела так, чтобы иметь возможность сделать как можно больше в последние годы моей жизни для своей специальной работы.

Я искренне и чистосердечно описал тебе мое положение. Вполне возможно, что Корнельский университет не примет мои условия. В таком случае все останется по-прежнему! Но я считаю, что полезно хоть раз сформулировать свои стремления. Возможно, они останутся нереализованной мечтой. Ноутстейн говорил мне, что он добился для себя таких же отпусков, и я знаю, что подобные же условия были представлены Эбботу в Принстоне».

Переход Ростовцева в 1925 г. на должность профессора в Йельском университете в Нью-Хейвене предоставил ему все те возможности, которых он добивался — возможности научных контактов в Европе и изучения памятников стран Средиземноморья. В 1928 г. благодаря дружбе с известным бельгийским историком религии Францем Кюмоном он начинает раскопки в Дура-Европос на Евфрате, которые были совместным

начинанием Йельского университета и Академии надписей и изящной словесности. Раскопки этого греко-парфянского города удовлетворили давний и глубокий интерес Ростовцева к взаимодействию эллинизма и иранской культуры. Фактически этот интерес был высказан публично уже в работе об аналогичном явлении в Южной России. И вполне естественно, что когда в последнее время Ростовцев несколько раз возвращался к материалу Южной России, он все больше и больше рассматривал эту тему в греческом контексте, с точки зрения данных, полученных им в ходе раскопок в Дура-Европос. В конечном счете, изменение взгляда Ростовцева на отношения между греками и восточными народами, быть может, самое значительное открытие, проявляющееся при сравнении глав, написанных в 1918 г., с их вариантом, опубликованным позднее.

В конце первой части VI главы планируемого второго тома о скифах на Боспоре Ростовцев, как мы знаем теперь, говорит о греческих элементах в Боспорском царстве Спартокидов с крайней осторожностью и вполне оправданной с научной точки зрения сдержанностью. Он подчеркивал, что свидетельства на этот счет очень немногочисленны и просто невозможно сказать, каков был процент греческого населения среди коренных жителей: «О социальном строе державы Спартокидов мы знаем очень мало. В высшей степени интересно было бы знать, как велико было греческое население городов державы и насколько чист был состав этого населения. Но ни для первого, ни для второго данных у нас не имеется... Трудно сказать также, как велик был приток свежих греческих сил в города Боспора и каков был состав граждан других городов, живших в городах Боспорской державы. Кое-что знаем мы только о наемниках, главного материала для остальных — декретов о прощении — у нас почти нет»¹⁹.

В работе об иранцах и греках, опубликованной на английском языке в Оксфорде в 1922 г., Ростовцев занял по существу ту же позицию, отдавая приоритет местным влияниям и отказываясь сказать что-либо определенное о роли греков: «Я не отрицаю значения греческих влияний в Южной России, но в то же время я не рассматриваю Южную Россию в качестве одной из провинций греческого мира. Южная Россия всегда была восточной страной и оставалась таковой даже в эллинистическое время. Греческое влияние в Южной России действительно было сильным, но эллинизм столкнулся здесь с другим — восточным — течением и именно оно одержало победу и в период миграций распространилось по всей Западной Европе»²⁰.

С другой стороны, заключительное обобщение, довольно неосторожное и безащепляющее, — это уже показатель «западной» манеры Ростовцева, хотя по существу оно отражает взгляды, которых он придерживался в 1918 г. Когда Ростовцев приступил к написанию главы для восьмого тома «Cambridge Ancient History», опубликованного в 1930 г., его подход был уже совершенно другим. Как и прежде, он подчеркивал взаимодействие восточных и греческих элементов, но к этому времени уже не сомневался в том, какой из них господствовал. Ростовцев подтверждал, что «наиболее интересной чертой в социальной, экономической, а равно и культурной жизни Боспора» было смешение гетерогенных элементов. Он указывал, что «этот дуализм (греческое — негреческое) можно заметить во всех областях боспорской жизни». Но после повтор-

¹⁹ ВДИ. 1989. № 2. С. 195 сл.

²⁰ *Iranians and Greeks in South Russia*. P. VIII—IX.

ного изучения греческих элементов Боспорского царства он решительно отдал первенство греческой стороне. Мы читаем: Боспорское царство «успешно распространяло ростки греческой цивилизации среди соседних с ним скифов и подчиненных ему синдов и местов». С возрастающей патетикой Ростовцев писал: «Прошло время, когда в представлении образованных людей греческий мир ограничивался берегами Аттики и Пелопоннеса. Греческий гений не только создал непроходящие ценности для самих греков, но и продемонстрировал в то же время невиданную универсальность и гибкость, способность приспосабливаться к неизвестным условиям и создавать в инородном окружении новые центры цивилизации, соединяющие с вечными созданиями греческого разума все, что было ценного и плодотворного в местной культуре. Боспор — один из наиболее ранних примеров присущей Греции этой удивительной творческой энергии»²¹.

Эти слова Ростовцева, написанные, по всей видимости, в конце 20-х годов, в то время, когда он поселился в Нью-Хейвене и начал свои раскопки в Дура-Европос, отражают взгляд, совершенно противоположный тому, который мы видим в отрывках из второго тома «Скифии и Боспора». Статья Ростовцева в «Cambridge Ancient History» была его личным признанием победы греческой культуры — что по существу означало победу западной цивилизации. Связь его личной судьбы с исследованиями по древней истории сознательно или бессознательно проявилась здесь в неменьшей степени, чем в описании упадка Римской империи при помощи терминов русской революции. Можно спорить лишь о том, был ли его пересмотренный и «западненный» взгляд на историю Южной России настолько же ошибочным, как взгляд на Римскую империю.

Понятно, что исследовательская энергия Ростовцева вспыхнула с новой, огромной силой, как только он поселился в Новом Свете и особенно в Нью-Хейвене. Однако на его видение древнего мира раз и навсегда наложило отпечаток десятилетие, прожитое им с момента отъезда из Петрограда до знаменательного начала раскопок в Дура-Европос. На западе он развивал такой подход к древней истории, который связывал ее неразрывно и, надо признать, не всегда оправданно с современными событиями. В то же время у него формировалась манера все более и более догматично и безапелляционно выражать свои взгляды. С годами сомнение и неуверенность стали реже овладевать им, и взвешенные суждения, характерные для его исследований 1918 г., редко можно найти в работах, написанных им в 30-е годы²².

Бескомпромиссные, страстно отстаиваемые убеждения чрезвычайно важны для написания такого рода огромного сводного труда. Но их трудно совместить со скрупулезным исследованием и взвешенной оценкой данных. Работы Ростовцева, опубликованные во время его пребывания в Целе, в частности две по социальной и экономической истории, по праву имели огромный резонанс — в том числе и потому, что содержали спорные гипотезы. Они провоцировали дискуссию. Они затрагивали животрепещущие вопросы. Они сделали Ростовцева несомненно величиной международного значения. И в то же время вполне возможно, что их непроходящая ценность, их конечный вклад в наше понимание древ-

²¹ Cambridge Ancient History. V. VIII. Cambr., 1930. P. 584—589.

²² Надо отметить, однако, что А. Д. Момиляно находит, что его труду «Social and Economic History of the Hellenistic World» недостает той огромной динамичности и эмоциональной насыщенности, которая присуща книге о Риме: «M. I. Rostovtzeff» в работе А. Д. Момиляно «Studies in Historiography» (L., 1966) P. 101.

него мира гораздо менее значительны, чем ценность работ, написанных Ростовцевым до отъезда из России. Его работы о налоговой системе и римском колонате продолжают оставаться более авторитетными, хотя и не столь яркими, как труды по социально-экономической истории. Первый том работы о Скифии и Боспоре в пересмотренной немецкой версии 1931 г. — последнее из того, что написано добросовестным исследователем из Санкт-Петербурга — Петрограда. Новые фрагменты, опубликованные в ВДИ, только подкрепляют представление о нем, как о щепетильном и сдержанном исследователе, умело сопоставляющем разрозненные исторические свидетельства.

Ростовцев из Нью-Хейвена был не менее образован и трудоспособен, чем тот Ростовцев, связанный с городом, к тому времени получившим название Ленинграда, но по образу мыслей и способу их изложения эти два человека значительно различались. Второй из них сделается, может быть, самым горячим защитником модернизации прошлого среди ученых нынешнего столетия. Его работы оказали влияние на несколько поколений историков, но большинство из них отказались от современных аналогий, которые он приписывал античности. Новые отрывки его работ 1918 г. служат для нас напоминанием о том, что главного недостатка его западных работ нет в работах, написанных в России*.

Г. У. Бауэрсок

* Статья переведена С. Г. Карпюком.

THE SOUTH RUSSIA OF ROSTOVZEFF: BETWEEN LENINGRAD
AND NEW HAVEN

G. W. Bowersock.

The article is devoted to the scientific and pedagogical work of Rostovtzeff after he had left his homeland in 1918 and moved by way of England and the state of Wisconsin to his professorship at Yale University in New Haven, Connecticut.

The main idea of the author is that the Rostovtzeff of New Haven was no less learned and prolific than the Rostovtzeff of what is now Leningrad, but in his thought and manner of presentation he was very different. He had become perhaps this century's most ardent advocate of the contemporaneity of the past. His work influenced generations of historians, but most have rejected the modern parallels he imposed on antiquity. The new fragments of Rostovtzeff's work in 1918, to the author's opinion, serve to remind us that the central weakness of Rostovtzeff's work in the West was absent from his work in Russia.
